

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-104-112

«СВЯТЫЙ, ПРЕМУДРЫЙ, ДИВНЫЙ ...». ЗНАЧЕНИЕ И МИССИЯ ТВОРЦА В ПОЭЗИИ Н.М. КАРАМЗИНА*

Иваницкий А.И.*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обосновывается идея о том, что Творец в поэзии Карамзина последовательно знаменует собою противопоставление сентименталистской правды «чувства» классицистической / просветительской правде «разума» / «истины», а затем их воссоединение на новой основе. Орудиями такого воссоединения становятся Природа (пантеистически воплощающая Творца) и Поэзия, в Природе открывающая людям Бога. Бегство же героя в мир Природы делает её неприютной, а иной мир – недостоверным. Божественное единство природы и цивилизации доказывается «от противного».

Ключевые слова: Бог, природа, цивилизация, разум, чувство, поэзия, любовь, сентиментализм, просвещение.

“HOLY, WISE, WONDROUS...” THE MEANING AND THE MISSION OF GOD IN N. KARAMZIN’S POETRY

A. Ivanitskiy*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The article presents the idea that the Creator in Karamzin’s poetry consistently marks the opposition of the sentimentalist classical truth of “feeling” / enlightening truth of the “reason” / “truth” and then their reunification on a new basis. The tools of such reunion are Nature (pantheistical embodying the Creator) and Poetry, that reveals God in Nature to people. The flight of the hero into the world of Nature makes her homeless, and the other world – unreliable. The divine unity of nature and civilization is proved “from the contrary”.

Key words: God, nature, civilization, mind, feeling, poetry, love, enlightenment, sentimentalism.

О значимости концепта «Бог» для Карамзина-поэта лучше всего свидетельствует «Песнь Божеству» 1793 г., ставшая откликом на «законодательное» отрицание Бога во французском якобинском Конвенте: «Блаженство, свет, душа вселенной, /... Кто – сердцем, чувством одаренный – / Тебя назвать мечтою мог?..» [6, с. 122].

© Иваницкий А.И., 2017.

*Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь». / The work was supported by grant RFBR № 15-04-00494 «N.M. Karamzin: encyclopedic dictionary».

С чисто человеческой точки зрения эти исповедальные строки комментария не требуют. Однако новое осмысление Бога явилось стержневым в эволюции русского сентиментализма, фактически завершённой в лирике Карамзина. «Песнь Божеству», с одной стороны, суммирует предшествующее осмысление поэтом значения Бога в сентименталистской картине мира, а с другой – программирует её итоговое воплощение в программных стихотворных манифестах Карамзина конца века.

Некоторые одиозные черты позднего екатерининского фаворитизма и революционный террор во Франции отчасти дискредитировали в русском дворянском, а отсюда и поэтическом сознании взаимосвязанные в Просвещении и просвещённом абсолютизме «разум» и «цивилизацию». В сентименталистской «мифологии» плодами цивилизации становятся бесчисленные соблазны и погоня за ними, объединяемые в понятии «суеты». У Карамзина это развёрнуто в «Послании Александру Алексеевичу Плещееву» (1794). «Суеты», плоды «прогресса», – это соблазны власти, сластолюбия тщеславия и богатства:

... Судьбы рекли: «Да будет свет / Жилищем призраков, сует ...»

... Одни шумящими рулями / Рассекли пену дальних вод;

Другие мощными руками / Отверзли в землю темный ход,

Чтоб взять пригоршни светлой пыли!.. [6, с. 142-143].

Соблазны породили соответствующие людские страсти. Ср. у М.Н. Муравьёва:

... Ты слаб, ты страстью колеблем, / Самим собой обуреваем ...;

... О, пагубная сеть страстей не-оборимых! / Вы всех причиною несчастий, нами зримых ... [9, с. 122, 139].

В результате разум превращается в сентименталистской картине мира в слугу телесных страстей – науку изобретения соблазнов и удовлетворения их. Например, М.М. Херасков видит Просвещение порчей нравов «испорченными умами»:

... Познал я суету и лживу прелесть счастья,

... Отрава лютая и язва смертных рода, / Превратность естества,

Тобой взволнована приятная природа, / Ты ужас божества ...

... Преобразили нас испорченны умы ... [10, с. 107-109. Здесь и далее выделено нами. – А. И.).

А В.В. Капнист возводит эту «порчу умом» к библейскому грехопадению:

... мнимо просвещение, / Безверье, алчность барыша,

В стеснённых городах умов излишне тренья ...

Это плод, искусивший Еву и Адама: Все хвалят просвещение; / Спроси их: «Что оно такое?»

... люди добрые! иль вы забыли древо, / Ощипанное Евой? [5, с. 292]

Разум оборачивается безумием, а движущей им эгоистической (телесной) страсти противопоставляется душевное «чувство», имеющее божественную природу. Ср. у Муравьёва: «... Чувствие сердечно ... небесн[а] паче дщерь» [9, с. 83].

Негативным воплощением «разума» становится «свет» в последовательно порождающих друг другу значениях общества / города / цивилизации: «Простое сердце, чувство / Для света ничего» [6, с. 113]. Вследствие этого карамзинский герой

*...Бежит от скуки городской, /
Чтоб в сельском крове мирном
Питать в груди своей чувстви-
тельность, покой...* [6, с. 172]¹

Это и выдвигает в основу сентименталистской картины мира Творца как первоисточник чувства и прежде всего любви, которая и утверждается в поэзии конца века основой бытия в противовес классицистическому разуму: «...*Всем любиться в свете должно...*» («Выбор жениха», 1795)[6, с. 181-182]. Одна любовь способна расширить пространство погружённых в неё до размеров мира в целом как локуса нового «золотого века»: «... *Я целый свет забыл, / ... Природы совершенство, / Друзей, себя, творца в тебе одной любил...*» («К Неверной», 1796), [6, с. 207]. При этом «приватный» золотой век влюблённых вовсе не нуждается во всеобщем:

... Пусть бог вселенную в пустыню превратит;

Пусть будем в ней мы только двое!

Любовь её для нас украсит, оживит ... («К верной», 1796), [6, с. 211]².

Чувство вообще, и любовь как его фундамент, безусловно, замыкается для сентиментализма на Творце, предстающем у Карамзина как «*Отец чувствительных сердец*» [6, с. 121]. Фундаментальное для сентиментализма христианское значение «любви»

звучит в резюме упомянутой «Песни Божеству»: «*Исчезнет тьма в умах, и злые / Твою почувствуют любовь*» [6, с. 122].

С другой стороны, однако, чувство для сентиментализма и юного Карамзина неотделимо от сочувствия ближнему и ближним. Соответствующее признание карамзинского лирического героя в переложении «Всеобщей молитвы» Г. Поупа (1789): «...*в горе с ближним сострадаю...*» [6, с. 360] – также роднит человека с «*Твор[цом] премудры[м], милосерды[м]...*» [6, с. 67]. Эту мысль о чувстве как сострадании доводит до логического завершения Капнист: «...*Кручина обо всех – чувствительности дар*» [5, с. 272].

Поэтому свобода для героя поэзии конца века неотделима от добровольно принятых обязательств перед людьми и обществом в целом:

Для пользы общия всегда служить готов...

И, чтоб свободным быть, приемлет легки узы... [9, с. 114-116].

Чувствительность! люблю я быть рабом твоим;

Люблю предпочитать зависимость свободе,

Когда зависимость есть действие твоё,

Свобода ж действие холодности беспечной!.. [6, с. 246].

Сочувствие другому неотделимо для Карамзина от снисхождения, в котором человек опять-таки подражает Творцу:

Не только для благих, будь добр и для коварных,

Подобно как творец на всех дары лиет... [6, с. 204].

При этом гражданские устремления героя Карамзина, который «... *Любил*

¹ Подробно о взаимосвязи философского и художественного самоопределения русского сентиментализма см. монографию Н.Д. Кочетковой [7].

² Н.А. Львов видит любовь (в лице Душеньки – героини поэмы И.Ф. Богдановича) способной даже ад сделать раем:

... если б ... героиня твоя ..., / к Вельзевулу показала / Во всей красе своей –

Вся стая адская смиренно бы пред ней / Помостом подостлалась... [8, I, с. 65-66].

с горячностью людей, / ... Надеждой сладкой веселился / Небеснолезно жить для них ...», – состоят в том, чтобы «чувствительные души... Пленить ... истиной святою, / ... Орудием небесным быть...» («Послание к Дмитриеву», 1794) [6, с. 136]. «Чувствительность» оказывается условием постижения «истины», которая имеет общий с ней Божественный источник. Это обусловило фундаментальную цель карамзинского поэтико-философского дискурса: не противопоставление чувства разуму, а поиск их высшей, то есть фундаментальной, Божественной гармонии в каждом из людей – кто «... мудрым в чувствах подражал, / Сократа сердцем обожал...», – и в человечестве в целом, как это утверждено в «Песни мира» (1791), вольно перелагающей «Оду к радости» Ф. Шиллера: «Чувством, мыслию клянитесь: / ... вечно в мире жить!» [6, с. 108]

Эту гармонию Карамзин находит в поэтическом идеале, который русская лирика конца века продолжала видеть в классицистической гармонии разума и чувства. В наиболее концентрированной форме соответствующие заповеди поэту звучат у М.Н. Муравьева:

... Любимец чистых муз всё вымыслить свободен,

Однако вымысл сей быть должен с правдой сходен,

И в своенравиях мгновенная мечты / Явите истины великия черты.

... С восторгом ощущай, но мысли беспристрастно;

Что явственно поймёшь, то выразится ясно ... [9, с. 131–132].

Однако судьба и миссия поэзии в трагической современности отражает для Карамзина разрыв чувства и разума. Последний превратился в

коллективное безумие войны (европейской монархической коалиции с революционной Францией), когда человек: «... кровь себе подобных льёт; / Безумства мраком ослеплённый...» («Весеннее чувство», 1793) [6, с. 116]. Этот разрыв «обезумевшего разума» с чувством Карамзин символически соотносит с библейским грехопадением первых людей (то есть приобщением к inferнальному, «ложному», безумному разуму), их отпадением от Бога и изгнанием из рая, где именно поэзия составляла блаженство их бытия:

... Когда ты, человек, в невинности сердечной,

Как роза цвёл в раю, Поэзия тебе

Утехою была. Ты пел своё блаженство,

Ты пел творца его. Сам бог тебе внимал... [6, с. 58].

С грехопадением поэзия остаётся единственным связующим звеном между людьми и утраченной ими небесной отчизной:

... Ты пал, о человек!.. / Но дочь небес ещё сияла лепотой...

... Бывало иногда, что ангел ниспоскался / ... и смертных наставлял

В Поэзии святой, небесною рукою / Настроив лиры им... [6, с. 58-59]

Если Бог являет себя и открывается людьми в Поэзии, то та, в свою очередь, становится, по сути, единственной формой богопостижения и богооткровения:

... Кто сердцем всем ещё привязан к плоти, к миру,

Того язык немей... / но вы, святые мужи,

В которых уже глас земных страстей умолк,

В которых мрака нет! вы ... / ... можете одни [...]

Во глубине сердец, хвалить ...поэта [6, с. 63].

Именно поэт обращается к Богу от имени падших людей:

...Так царственный поэт, / Родившись пастухом...

Играл хвалы творцу и песню своей / Народы восхищал... [6, с. 58-59]

– и прямым (хотя и временным) прижизненным вознесением на небеса обретает голос пророка небесной воли для людей:

...певец избранный ... / Вознёс ... и ... на небесах...

Был тайнам научен... / Как бог стал человек. Потом воспел он нам

Начало и конец Мессииных страданий... [6, с. ы62]

Сам карамзинский лирический герой видит свой посмертный путь возвратом не просто в рай, но в рай поэтический, где созерцание Творца позволит ему окончательно осуществить свою миссию поэта:

Когда ж... засну и снова пробужусь, – / Тогда, в восторгах погружаясь, Я буду гимны петь творцу, / Узрев там всё лицом к лицу!.. [6, с. 63]

И в той же поэзии Карамзин-лирик видит восстановление разорванной связи между небом и людьми. Ключом прижизненного поэтического обретения ими Бога становится Природа – просветительский идеал поэтической гармонии разума и чувства как для самого Карамзина: «...Здесь вид богатия Природы / Есть образ... / ...милой сердцу простоты» [6, с. 94], – так и для поэтов его круга. Соответствующие заповеди адресует поэтам Муравьев: «Бегите ложного искусства и ума: / Природа красоты исполнена сама...» [9, с. 131-132]. Также следует им И.И. Дмитриев: «Разнообразности природы там

дивлюсь / И сколки слабые с неё снимать учусь...» [2, с. 122-123].

Программным карамзинским манифестом постижения людьми Бога через Природу с помощью Поэзии (а отсюда – снятия основных сентименталистских оппозиций разума и чувства, природы и цивилизации) стал стихотворный трактат «Дарования» (1796), отразивший энтузиазм поэта в начале павловского правления. Логическими «подходами» к нему стали философская элегия «Поэзия» (1787) и переложение «Гимна» Дж. Томсона, взятого из его поэмы «Сезоны» (1789).

В переложении «Гимна» в русле пантеистической концепции сентиментализма Бог воплощает свои различные ипостаси и смыслы в переменах природы – прежде всего сезонных:

Четыре времена, в временах ежегодных,

Ничто иное суть, как в разных видах бог.

...Приятною весной / Повсюду красота твоя, господь, сияет,

И нежность, и любовь твоя везде видна.

...Зимою страшен ты! Там бури, облака

Свивая вокруг себя, гоня вьюгу вьюгой... [6, с. 70]

Такое понимание ипостасей Бога через перемены Природы развивается в послании «На разлуку с П<етровым>» (1791):

...Нередко огонь блистал, гремел над нами гром...

...Но мы сердечно ликовали / И улыбались пред отцом,

Который простирал к нам с неба длань благую...

На крыльях молнии к нему летел наш дух!.. [6, с. 105]

В «Поэзии» Карамзин отталкивается от той же мысли: человек познаёт Бога в красоте Природы: «...Узрев собор красот... / ...почувствовал и бога...». А поэзия служит орудием выражения человеком своего восторга перед Творцом – узанным им в Природе:

...Причину бытия – столь живо ощутил

...Что сердце у него в гимн нежный излилось,

Стремясь лететь к отцу... [6, с. 58]

В этом голос поэта сливается с поэтическим гимном самой природы: «На ветвях птички воспевают / Хвалу всещедрому творцу; / Любовь их песни соглашает...» [6, с. 66] Однако Поэзия как таковая выступает исключительным орудием выражения явленной в Природе божественной гармонии разума и чувства. Орфей выступает идеальным поэтическим пророком такого божественного синтеза природы и цивилизации (закона):

...Он пел им красоту Натуры, мироздания;

...пел... тот закон, который в естестве / Разумным оком зрим... [6, с. 60]

Эта гармония опять-таки замыкается поэтом на Боге, которого он открывает и видит в ней:

Мудрец, Натуру знав... / И слыша глас [творца] и в громах и в зефирах,

В лесах и на водах, на арфе подражал Аккордам божества, и глас сего поэта / Всегда был божий глас! [6, с. 59-60]

В «Дарованиях» Поэзия выступает уже не орудием выражения чувства Бога в Природе, но источником обретения этого чувства. Это развивается в новую сентименталистскую этиологию мира. Бог сотворил земную Природу раем:

...свод небес... / Шатром раскинул над землю,

...Усеял шар земной цветами, / Древа плодами озлатил;

Дал... / яркий голос соловью...

[6, с. 224]

– и воплотил себя в ней. Поэтому «Сей мир, обильный чудесами, / Как сад, усеянный цветами» – «Зерцало мудрого творца» [6, с. 214].

Однако люди, будучи дикими, не могли увидеть в природе Бога – автор «Дарований» видит их – «во тьме живущих, / Как злак бесчувственно растущих...». Поэтому

...Среди красот их око дремлет, / Природа вся для них пуста.

Их слух гармонии не внемлет...

[6, с. 214].

Поэзия посылается людям свыше (при этом библейскому Богу оказывается соподчинён языческий Феб!), чтобы в красоте Природы те почувствовали и познали Творца:

...явился Феб прекрасный /...С лучом небесных дарований...

И силой их очарований / В них искры чувства воспылали!.. [6, с. 215]

Благодаря этому Природа «...Пред ним (человеком) в изящности явилась / В тайнейших связях обнажилась...» [6, с. 215]¹. Понимание красоты природных смен: «Рассудок, чувством пробуждённый, / Открыл порядок неизменный / В различных года временах...» [6, с. 215-216] – открыло человеку гармонию её противоположных состояний:

¹ При этом поэтическое отражение Бога в Природе делает самого человека отчасти творцом. Природа говорит ему: «„Мои богатства пред тобою, / Хвали творца – будь сам творец!“ [...] „Чей взор, Природу обнимая, / Открыть творца в твореньи мог, – / ...Тот сам быть должен полубог“» [6, с. 215, 224].

...Где волны шумных океанов / Во
мраке бури и туманов

Несутся с рёвом к берегам... / Там
гений умственных творений

Нашёл в ужасном красоты... / И
бога грозного прославил.

Но там, где нежные цветы / От сол-
нечных лучей нестреют...

...он творца воображает / В небес-
ной благодати его... [6, с. 215-216]

Осознав себя частью сотворенной
Богом Природы, человек открыл в дру-
гих и в мире в целом отражение / про-
должение себя самого: «...Чувстви-
тельный во всём себе друзей найдёт...»
[6, с. 92-93]. В результате «...дружба,
дар небесный! / Предстала с крото-
стью своей...» [6, с. 217] Об руку с
дружкой идёт любовь, поскольку Бог –
«...Открыл себя... / ...В слезе любовни-
ков счастливых, / В улыбке нежных ма-
терей...» Поэтому уподобляется богу
любовник, когда он к подруге «...в объ-
ятия спешил... / ... не смертным, богом
был!», ибо «Сам бог... / ...влил ... грудь
небесный пламень / ...всесильныя люб-
ви...» [6, с. 198]

Пробуждённое Богом с помощью
поэзии сочувствие человека другому
рождает цивилизацию – снимая её сен-
тименталистское противопоставление
Природе: «...И первый в мире град был
первым торжеством / Даров, влиян-
ных в нас премудрым божеством...» [6,
с. 245]. Природа и цивилизация равно
объемлются Творцом, который –

...присутствен / И чувствуем вез-
де: в пустынях и степях,

Равно как в городах, наполненных
народом... [6, с. 73]

Поскольку Творец «...с чувством
жизни наслажденье / Соединил во всех
сердцах...» [6, с. 225], «закон» обще-
жития остаётся эстетическим: «„Жить

вместе, вместе наслаждаться...» [6,
с. 217]. Отсюда «добродетель» («небес-
на дочь»»), будучи пробуждена поэ-
тическим «сочувствием», становится
идеалом красоты: «...глазам всегда
прелестна, / ...Душе ... всегда мила...»
[6, с. 291]. Повинуясь этому идеалу,
поэт возводит в ранг художественно-
го шедевра *подвиг* (воинский и граж-
данский), который в силу этого ста-
новится примером для подражания,
то есть для стремления людей сделать
свою жизнь произведением искусства
и этим уподобиться Творцу: «...Со-
фокл и Эврипид учили на театре, / Как
душу возвышать и полубогом быть...»
[6, с. 60]. Это наделяет художествен-
ным смыслом *государство*, позволяя
увидеть в государе земное воплоще-
ние Творца – «...бога в Павле прослав-
лять...», – и, по сути, второго творца:
«...ты отечества отец, / Для поддан-
ных второй творец...» [6, с. 269]¹

Как видим, Творец в поэзии Карам-
зина знаменует собою сначала проти-
вопоставление сентименталистской
правды «чувства» классицистиче-
ской / просветительской правде «разу-
ма» / «истины», а затем их воссоедине-
ния на новой основе. Орудиями такого
воссоединения становятся Природа
(пантеистически воплощающая Твор-
ца собою) и Поэзия – в Природе от-
крывающая людям Творца².

Такое воссоединение в понятии
«Бога» сентименталистских «чувства»
и «Природы» с просветительскими

¹ Возвышая царя до Бога, народ одновре-
менно возвышает себя до царя – то есть неявно
обожествляет:

Они возвысят голос свой: / “О Павел! Ты наш
бог земной!

Мы царствуем, монарх, с тобою... [6, с. 189]

² См. подробнее: [11, с. 296-311]; ср.: [4,
с. 111-119].

«разумом» и «цивилизацией» объективно доказывается в лирике Карамзина также и «от противного». «Ортодоксально-сентименталистское» бегство лирического героя Карамзина в мир Природы от соблазнов цивилизации, чтобы «...Гнушаться издали пороком...» [6, с. 138], в конечном счете обнуляет значение как Природы, так и её Творца. Прежде всего, Природа лишается статуса убежища от мирового зла: «...Пристанища в сем мире нет...» [6, с. 294], которое оказывается возможным лишь за гробом:

...В юдоли сей покоя нет. / Но тем мы можем утешаться,

Что нам не век в сём мире жить...

В страны блаженства вознесёмся...
[6, с. 65]

Затем, однако, ущербность земного мира ставит под вопрос как всемогущество Творца именно как первоисточника всепобеждающего единства сердца и разума:

Бог дал мне свет ума: я истины искал,

И видел ложь везде – светильник погашаю.

Бог дал мне сердце: я страдал, / И богу сердце возвращаю [6, с. 235], так и его существование: «Что наша жизнь? Роман. – Кто автор? Аноним...» [6, с. 236]

Таким образом, Божественное единство природы и цивилизации, разума и чувства доказывается «от противного».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. 560 с.
2. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: «Советский писатель», 1967. 502 с.
3. Иваницкий А.И. Ещё раз о соотношении «сентиментального» и «классицистического» в поэзии Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 109-118.
4. Иваницкий А.И. Триада «Чувство – Природа – Поэзия» в лирике Н.М. Карамзина // „Studia Rossica”, tom XXIV. Mikołaj Karamzin i jego czasy. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. 2017. P. 111-119.
5. Капнист В.В. Избранные произведения. Серия «Библиотека поэта». Л.: 1973. 608 с.
6. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: «Художественная литература», 1966. 424 с.
7. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб.: Изд. «Наука», 1994. 279 с.
8. Львов Н.А. Избранные произведения. СПб: Акрополь, 1994. Тт. 1–2.
9. Муравьев М.Н. Стихотворения. Л.: «Советский писатель», 1967. 387 с.
10. Херасков М.М. Избранные произведения. М.-Л.: «Советский писатель», 1961. 408 с.
11. Шруба Б. Поэтологическая лирика Н.М. Карамзина // XVIII век. Сборник 24. СПб., 2006. С. 296-311.

REFERENCES

1. Alpatova T.A. *Proza N.M. Karamzina: poetika povestvovaniya* [N. Karamzin's prose: the poetics of narrative]. Moscow, MGOU Publ., 2012. 560 p.
2. Dmitriev I.I. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1967. 502 p.

3. Ivanitskii A.I. [Once again on sentimental and classical in poetry of Karamzin]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series Russian Philology], 2015, no. 4, pp. 109–118.
4. Ivanitskii A.I. [The Triad Feeling – Nature – Poetry in the lyrics of N. Karamzin]. In: *Studia Rossica, vol. XXIV. Mikołaj Karamzin i jego czasy*. Rusycystyki Instytut Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. P. 111–119.
5. Kapnist V.V. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. In: Series “Library of the poet”. Leningrad, 1973. 608 p.
6. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems]. Moscow–Leningrad., KHudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 424 p.
7. Kochetkova N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma. Esteticheskie i hudozhestvennyye iskanija* [The literature of the Russian sentimentalism. Aesthetic and artistic search]. St. Petersburg.: Nauka Publ., 1994. 279 p.
8. Ľvov N.A. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1–2* [Selected works. Vol. 1–2]. St. Petersburg: Akropol, 1994.
9. Murav'ev M.N. *Stihotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1967. 387 p.
10. Kheraskov M.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow – Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 408 p.
11. Shruba B. [Poetological lyrics of N. Karamzin]. In: *XVIII vek. Sbornik 24* [18th century. The collection of 24]. St. Petersburg, 2006, pp. 296–311.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваницкий Александр Ильич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных наук им. Е.М. Мелетинского РГГУ; e-mail: meisster@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr Ivanickij – Doctor in Philological Sciences, Senior Researcher at Meletinsky Institute for Advanced Studies of the Russian State University for Humanities; e-mail: meisster@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иваницкий А.И. «Святой, премудрый, дивный...». Значение и миссия Творца в поэзии Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 104-112
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-104-112

FOR CITATION

Ivanitskiy A.I. “Holy, Wise, Wondrous...” The meaning and the mission of God in N. Karamzin’s poetry. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 104-112
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-104-112